

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Павел Тюрин

Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души)

Психологический механизм такого «немотивированного» противоправного явления, как хулиганство, анализируется в контексте попыток человека противостоять любым ограничениям, в которых он видит ущемление своей свободы. Хулиганство, рассматриваемое в таком ключе, предстает как протест против мира, охваченного действием неизменных законов — естественных ли, социальных ли, и потому все, что стало законом, традицией, каноном, хулиган стремится осквернить, развенчать и даже уничтожить — деканонизировать. Там, где нет ничего, человеку с подобной установкой, могут мерещиться условия для полного самовыражения.

*Посох мой, моя свобода — сердцевина бытия
О. Мандельштам*

Психология хулиганства¹. Пытаясь понять причины склонности к агрессии, психологи находят разные объяснения. Одни усматривают ее истоки в плохой наследственности, другие считают, что она возникает как стремление восстановить справедливость в ответ на оскорбление или как реакция на возникшее пре-

¹ Основные положения исследования были представлены на 71-й научной конференции теологического факультета Латвийского государственного университета – «Что есть жизнь» – 08.02.2013 г. Tjurins P. Huligānisma psiholoģija (Dabas normatīvitāte un psihe nenormatīvitāte) – LU teoloģijas fakultātes 71. zinātniskā konference «Kas ir dzīvība» – 2013 g. 8. februārī – <http://scireprints.lu.lv/229/1/Tjurins.Huliganisma.psihologija.doc>

пятствие, третьи говорят, что многие видят в ней привлекательную поведенческую модель, доказывающую наличие у человека лидерских качеств и надежность и др. Существующие теории агрессии достаточно убедительны в отношении тех преступлений, в которых обнаруживается какой-либо корыстный мотив, есть конкретная причина их зарождения. Но есть разновидность преступлений, которые именуют как «немотивированные преступления», когда для их совершения у преступника, казалось бы, не было никаких видимых причин. Но, несомненно, какая-то причина существует, если не внешняя, значит некая внутренняя — собственное тяготение человека ко злу. Но имеющиеся у психологов диагностические

методы не обнаруживают у большинства так называемых «немотивированных преступников» существенных психических отклонений от нормы, и вопрос о том, каким образом возникает немотивированная агрессия, остается открытым — во всех теориях преступности остается необъясненный остаток. Зло как бесконечно малая величина — меньше любого рационального числа (объяснения), но все же больше нуля. Оно изворотливо и реально присутствует, хотя рационально никак неуловимо, и потому ни одна из упомянутых психологических теорий не в состоянии локализовать его существование до такой степени, чтобы поставить ему окончательный «диагноз» и указать способы избавления.

Изучая случаи «немотивированных» преступлений, совершенных «с особой жестокостью и цинизмом», приходишь к убеждению, что целью преступника было не просто устранение человека как мешающего препятствия, но им преследовалась некая сверхзадача. Человеческий разум отказывается верить в реальность случившегося и пытается защититься, объявив преступника сумасшедшим, полагая, что нормальный человек такое совершить никак не мог, — таким образом, люди стараются успокоить себя. Но, увы, слишком часто судебно-психиатрическая экспертиза вынуждена констатировать, что преступник психически здоров и во время совершения преступления находился во вменяемом состоянии.

Несмотря на разность масштабов совершаемых преступлений между тяжкими немотивированными преступлениями и хулиганскими поступками, можно рассмотреть глубинное родство, и только чудовищность первых заслоняет общее в их структуре и психологической физиономии. Уголовные кодексы разных стран к такому социальному явлению, как *хулиганство*, относят дерзкие и как будто бесцельные деструктивные действия, «смысл» которых в том, чтобы демонстративно заявить о презрении законопослушному обществу. То есть хулиган вроде бы психически нормален, и вместе с тем его действия поражают своей неадекватностью. Это те случаи, когда нет четкого мотива и его агрессивные действия не соответствуют внешней ситуации, но в то же время нет галлюцинаций, бреда, патологического аффекта. Подобное негативное отношение, чаще всего, проявляется спонтанно и незапланированно, и, как правило, под влиянием алкоголя.

Не случайно, происхождение этого термина связывают с ирландским словом *houlie* — «необузданная, дикая алкогольная вечеринка»².

Склонность к оскорбительному поведению психологи часто объясняют тем, что это помогает некоторым индивидам казаться более сильными и значительными. Хулиган получает особое удовлетворение от зрелища несчастья и унижения другого, и иногда кажется, что оно сродни исполнению долга отмщения всем; он радуется не просто победе над другим человеком, но испытывает восторг от нанесенного ущерба другим вообще и унижения окружающего мира.

В отличие от социальных «законов», созданных на основе субъективных представлений людей о нормах взаимоотношений друг с другом, законы природы человек нарушить не в состоянии, и потому неизбежно им подчиняется. Попытавшись же их нарушить, человек неизбежно получает противодействие, которое и становится наказанием за претенциозность и самонадеянность — разобьется, обожжется, утонет... Если он вообразит себя птицей и захочет полететь, бросившись со скалы вниз, то сила тяготения немедленно начнет его приземлять, когда прикоснется к оголенным проводам — разряд электрического тока мгновенно ударит его или даже сожжет... Однако, такое быстрое наказание (немедленное подтверждение нерушимости естественных законов) происходит далеко не всегда, и осознание несоответствия совершенного действия может придти к человеку через длительное время (в виде болезней или разочарований в своих планах). В большинстве случаев возмездие следует за человеком невидимо, опосредованно, отсроченно по времени, но последствия нарушения закона рано или поздно настигают.

Чтобы избежать подобных несогласованностей и расхождений с действительностью, человек должен был бы иметь ясное представление об отдаленных эффектах своих действий, о том, как они проявятся в будущем, но никто не в состоянии учесть то, что находится за пределами осознаваемого, даже

² Существуют разные точки зрения на происхождение обозначения этого явления; по одной из них термин хулиганство произошел от древнерусского слова «хулить» — в Толковом словаре В. Даля слово «хулить» означает — не одобрять, порицать, хаять, порочить, унижать, осуждать, обзывать дурным, плохим, негодным.

когда пытаются тщательно планировать свои действия. Какой бы аспект или сферу существования человека мы бы ни взяли, всюду обнаруживаем, что ни один шаг в избранном им самим направлении не гарантирует долгосрочного успеха и благополучия. Лишь в отдельных случаях (в рамках рационализированных сфер деятельности) опыт и научные исследования могут дать более или менее определенные прогнозы о полезных, нейтральных или отрицательных послеэффектах тех или иных действий.

Человек в своих решениях обычно исходит из сиюминутного видения ситуации и лишь изредка вспоминает наставления и предыдущий опыт, общий характер любых законов не является для него убедительным, чтобы уверенно экстраполировать их в будущее. Однако, человек часто убеждается, что его действия через совсем непродолжительное время приводят к результатам, которые он во все не предвидел, и потому во многих случаях действует наугад, рассчитывая на удачу, опираясь на непосредственное восприятие ситуации и оценку лишь ближних изменений³. О человеке вообще можно сказать, что он «тактичен», но почти никогда «стратегичен», и потому имеет лишь мнимость правильности и предусмотрительности поведения. Только если бы люди обладали абсолютным знанием о закономерностях, действующих в мире, и неуклонно следовали им, только тогда могли бы избежать ошибок⁴. Тем не менее, люди так или иначе пытаются систематизировать име-

³ Кажущаяся отсрочка возмездия за нарушение ограничения или запрета действует во всех сторонах жизни человека. Он может сразу не почувствовать вреда, который сам себе нанес, и только со временем начинает испытывать разрушающие последствия совершенного им в прошлом. В частности, по этой причине человеку предписывается соблюдать все Божьи заповеди, которые определяют, что полезно для человека, а что вредно. Сам же он не в состоянии предвидеть их возможные последствия и установить их действительный источник.

⁴ Лаплас надеялся, что человечество сможет достичь лучшего научного понимания мира, хотя и осознавал, что в случае, если такое произойдет, все равно потребуются огромные вычислительные мощности, чтобы произвести такие расчеты в один определенный момент. Однако, несмотря на то, что развитием мироздания как динамической системы в целом управляет детерминистический закон, на практике незнание начальных состояний исключает всякую возможность детерминистических предсказаний.

ющиеся знания о мире, на их основе формулируют принципы поведения и, следуя выработанным правилам, стремятся упорядочить свои отношения друг с другом, выстраивать хоть в какой-то степени законоподобные связи, и потому отклонения от заданных правил расцениваются как покушение на установленный миропорядок.

Законы, установленные человеком, в частности, юридические нормы можно оспорить, изменить, нарушить, исказить... Поскольку за нарушение социальных законов преступник автоматически не получает от внешнего природного мира наказания, то это является для него доказательством, что природой его действия не «воспринимаются» как нарушение — а значит, не являются преступными. Поэтому общество само устанавливает свою норму возмездия за преступления, имитируя принцип ответного действия (кары, возмещения) как нарушение природных законов. Но преследование и наказание преступника становится возможным только после того, как преступление обнаружено, имеются следы его совершения и когда он сам схвачен. Однако в течение всего периода подготовки, совершения преступления вплоть до задержания преступника он, обычно, не имеет препятствий для исполнения своих намерений, и часто для него в реальной жизни так и не наступает возмездия. Неочевидность неизбежности наказания за нарушение социальных норм порождает у преступника уверенность, что ему за это «ничего не будет». Между нарушением некоего предписания или заповеди и последующими за этим вредными последствиями, всегда имеется некий промежуток времени, «отсрочка» наказания за преступление, которое будто бы может и не наступить вовсе.

Для психолога значительный интерес представляет выявление причин, почему у человека не срабатывают противовесы появившемуся желанию совершить преступление. Почему у него возникает не только побуждение к противозаконному действию, но и формируется *позитивное самовосприятие*, несмотря на то, что, как правило, он отдает себе отчет в том, что его действия преступны?

В криминальной психологии преступника характеризуют как человека, которому «то, чего хочется, всегда кажется необходимым». Если у индивида нет социальных и нравственных норм, которые могли бы повлиять на его поведение, то управляющим фак-

тором часто становятся внешние воздействия, поощряющие его к действию, либо препятствующие. Можно утверждать, что в большинстве случаев преступник руководствуется принципом: **слабость подобна пустоте, которая заполняется силой**, который и формирует соответствующий алгоритм действий его преступно-поисковой установки в коридоре имеющихся возможностей — «Если возможно — значит можно?». В любой конкретной ситуации преступления, если сопротивление жертвы отсутствует или не является для него угрожающим, это воспринимается им как пустота, которая может и должна быть заполнена его силой — насилием. Преступление уже перестает восприниматься им как нечто недопустимое, а лишь как некое специфическое усилие, требующееся для достижения его цели. Возникающие перед ним раз за разом вопросы — можно или нельзя продолжать начатое, подобно ударам метронома отбивают такты совершаемого им преступления — ответы ему дают реакции жертвы, ослабляющие или усиливающие его агрессивность.

Даже при тщательно спланированном преступлении преступник действует как бы наощупь и постоянно следит за малейшими изменениями среды, реакциями жертвы и ее окружения. Если не возникает опасных для него последствий — он продвигается дальше, дальше... Ничто не дает ему знать, не подсказывает, что он совершает нечто плохое и недопустимое — вокруг него ничего практически не меняется. Всякая отсрочка наказания воспринимается как дозволение, поощрение и поддержка. Не получая отпора в совершении преступных действий, насильник укрепляется в мысли, что направление его действий верное — «Если возможно — значит можно!»; разрешив себе совершить преступление (приняв для себя его допустимым), он каждое последующее действие мысленно соотносит с этой установкой и либо затормаживает, либо продолжает его реализацию [25, с. 84, 68].

* * *

Возможно ли найти человека, который согласится, что он сознательно отстаивает неправоые (неправильные) идеи и цели? Таких, видимо, просто не существует. Даже если человек последовательно проводит в жизнь программы, от которых людям тошно, он, тем не менее, считает, что так правильно — так надо,

люди это заслужили. Лжет ли человек, предаст ли близких, убивает ли заложников, подавляет ли бездарный талантливую, использует ли одна группировка против другой бесчестные приемы и т.д. — всему человек находит оправдание и считает, что то, что он делает — справедливо. То, что человек считает, что всегда поступает «хорошо», связано с тем, что его поведение в принципе имеет множество вариантов, обдумывая и взвешивая которые он выбирает какой-то один. Окончательный выбор он производит, опираясь на наиболее ему желаемое («правильное»), а это дает ощущение **свободы выбора**. В дальнейшем при необходимости дополнительного убеждения себя и других в своей правоте в ход пускается логика, в том числе срабатывает психологический механизм рационализации, когда человек произвольно оценивая собственные действия и поступки других людей, приводит их к нужному знаменателю; он избирательно оперирует не арифметическими, а, так сказать, алгебраическими смысловыми величинами, значение которых им произвольно увеличивается или уменьшается в зависимости от того, соответствует ли итоговый результат желаемому.

Замечательная особенность здесь в том, что эта псевдосвобода выбора делает совершенно незаметным фактическое следование принципу удовольствия. То, что нравится, хочется — то и хорошо! Это плоскость существования не выбирающего человека, а запрограммированного на потребление, по возможности, «вкусненького», с иллюзорным ощущением свободы выбора. Выбор же имеет место не тогда, когда человек подчиняется только своим желаниям — свобода выбора проявляется не в различении между «мне или не мне», а как установление и выбор между «лучшим» и «худшим», критерии различения которых за пределами физиологического существования, вне обременяющих и вынуждающих ситуативных требований — во вневременных сферах⁵.

Основной смысл свободы в том, что она делает человека свободным, а значит способным к различению императивных и факультативных

⁵ Человек приближается к ситуации свободы (выбора), когда начинает отдавать себе отчет в том, что есть культурологическое и нравственное измерение в мире, на оси которого зацепилось и держится его существование, тогда он осознает, что на гуманитарные ценности, как на идеальный камертон, должны быть настроены все инструменты его деятельности.

тативных ценностей. Выбор, следовательно — это ситуация борьбы между **соблазном** (подчинением своим желаниям — приятно мне, хорошо мне) и **ответственностью** за то, что нуждается в поддержке, проявляемой в форме обеспокоенности за сохранение фундаментальных структур человеческого облика мира. Или в форме прямого сочувствия другому человеку — **свобода проявляется в сочувствии** [23, с. 59]. Однако приходится признать, что человек катастрофически часто не склонен по доброй воле расставаться с иллюзиями мышления, когда ему только кажется, что он мыслит и понимает, хотя до понимания ему еще очень далеко.

Тем не менее, если и имеет смысл говорить о некоей отличительной особенности человека, то это именно *свобода*, которая освобождает его от любых самообвинений⁶, поэтому даже если иерархия переворачивается, и частное и преходящее начинает доминировать, ощущение свободы не исчезает, потому что сознание подобно центру масс в пространстве опыта, и при его изменении перемещается. Всякий раз, оказываясь в новом месте, как будто усаживаясь на вершину, сознание остается безразличным к логическим узорам, которые вычерчивает разум⁷.

⁶ Это объясняет тот факт, что практически все преступники, оказавшиеся в заключении, полагают несправедливым вынесенное им наказание. Даже искренне раскаявшийся в совершении ужасного преступления и сам же не находящий им оправдания, «умом понимая», что зло должно быть наказано, тем не менее в глубине души считает, что он-то уже не заслуживает наказания, поскольку он теперь не тот, кем был раньше, — теперь он другой. Судить и наказывать надо того, вчерашнего, прошлого, а не его сегодняшнего — присущая ему свобода протестует против какого-либо ограничения и требует освобождения. Как показывают специальные исследования, это чувство «несправедливости» или ненужности наказания несут в себе практически все осужденные. Собственно, по этой причине возникает дилемма предпочтений: «судить по закону или по справедливости, по совести». И это лишь подтверждает вывод: что бы ни сделал человек, какие бы преступления он не совершил, его личная внутренняя свобода не утрачивается ни при каких обстоятельствах — она ни от чего не зависит и никому не подчинена.

⁷ Ситуация «действительность свободы и иллюзия свободы» отчасти подобна противостоянию

В психологической литературе хулиган характеризуется как человек нравственно неразвитый, и потому он ведет себя вне связи с общепринятыми нормами, полагая, что законы, правила и мораль — не для него. Он не задумывается о последствиях своих действий, а часто действует под влиянием момента, опираясь на сиюминутно желаемое, наслаждается своей безнаказанностью, что дает ощущение свободы и полноты жизни⁸. Объяснения причин хулиганства обычно сводятся к перечислению личностных особенностей человека, обусловленных возможной неудовлетворенностью первичных потребностей в любви, защите, неблагоприятным детством, в результате чего происходит эмоциональное отторжение от окружающих, что в будущем может вызвать агрессию, садизм и прочее как реакцию отщепенца за нанесенные обиды.

Склонность к хулиганским поступкам может сформировать повышенная конфликтность человека (как следствие его низкой адаптивности), тревожность, заниженная самооценка, желание изменить устоявшееся представление о себе, искаженные ценностные ориентации, отличающиеся от общепринятых этических норм и др. Тем не менее, непонятным остается, почему у них возникает потребность провоцировать у окружающих возмущение — только лишь желание заявить о себе? — причем, именно с целью вызвать у окружающих негативную, шоковую реакцию, и чем ярче эта реакция будет, тем лучше хулиган себя чувствует⁹.

«знающего и незнающего» — уверенность Сократа в открывшемся ему «Я знаю только то, что ничего не знаю...» в своей психологической явленности сознанию ничем не отличается от уверенности обывателя, что он знает все, что нужно знать. Что каждый из них в дальнейшем будет делать с осознанием своего знания — это уже иная плоскость, иной аспект значимости их знаний в их жизни.

⁸ Многие люди, опасаясь наказания, избегают участвовать в непристойностях, но испытывают удовлетворение, близкое к зависти, подсматривая, как это вместо них делают другие, а все потому, что здесь, на земле, они хотят прожить свою грешную жизнь сполна, ну, а уравновесить ее своей ангельской сущностью они рассчитывают как-нибудь после, потом — возможно, на небесах или в мечтах.

⁹ В этом хулиганская бравада сходна с псевдоэксгибиционизмом (публичное обнажение гениталий с целью получения удовольствия от шоковой реакции наблюдателей, для которых это

Его основная задача — ошеломить окружающих наглой и грубой выходкой, вселить чувство страха и тем самым подчинить их своей воле. Это дает ощущение собственной значимости, что в совокупности с чувством вседозволенности, для некоторых людей становится особенно привлекательным [9].

Внешне хулиган — это обычный человек, который периодически испытывает как будто неразумную потребность противостоять всем и всему. В эти периоды все чувства хулигана так или иначе фокусируются в направлении тотального негативизма и враждебного отношения к миру, и кажется, что он хочет нанести вред миру в целом. За что?! — «За все всем вообще!». Как правило, этому предшествует общее недовольство жизнью, что приводит к тому, что в нем нарастает чувство, что должен что-то предпринять, «стукнуть» по устойчивости и такой упорядоченности мира, растормошить его и «вывести из себя», и только внешняя среда и воспитание блокируют реализацию решительного действия. Но рано или поздно блокада накопившегося напряжения оказывается недостаточной и тогда случайный раздражающий фактор приобретает свойство пускового механизма и эмоциональная разрядка в виде агрессии становится неизбежной. Такое экспрессивное поведение является выражением и частью его внутреннего состояния, и потому внешние проявления не имеют определенной цели и ни на что специально не направлены. В большинстве случаев только страх наказания заставляет хулигана подавлять свое стремление, вынуждая жить двойной жизнью — на виду соблюдать нормы поведения и быть «правильным», но когда социальный контроль ослабевает, он начинает делать все, что вздумается.

Хулиганские побуждения обычно возникают по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, в том числе будущий потерпевший, не дает повода для агрессии, их жертвами часто становятся совершенно случайные объекты [2, с. 167]. И потому, если рядом с ним не окажется того, кто хоть чем-то его заденет и даст повод к агрессии, хулиган все равно найдет причину, чтобы выразить свое презрение к окружающим, в особенности к законопослушным гражданам, и чем более те «правильны», тем большую ярость они у него вызывают. Бросая дерзкий вызов окружающим, он сам оказывается неожиданным или нежелательным).

инициирует скандал, а ответное возмущение и попытки одергивания становятся для него уже конкретной причиной дальнейшей агрессии.

Но откуда у них возникает эта уверенность, что они правы в своем оскорбительном отношении к миру, несмотря на то, что доказать это ничем не могут, ведь та иррациональность и неконкретность наступательности, отсутствие конкретных причин опоры для их претензий кажутся чрезмерными, если они совершаются только лишь с целью пустого бахвальства?

Хулиганство следует отнести к *немотивированным* преступлениям в том смысле, что подобные поступки оказываются несоразмерны породившему их поводу, не являются логическим завершением стимула, и это-то вызывает сомнения в психическом здоровье и вменяемости человека¹⁰. Особенность правонарушений, исходящих из хулиганских побуждений, в необычности их мотивов и цели, так как с позиций житейской логики они необоснованны, неразумны и бессмысленны¹¹.

¹⁰ В большинстве случаев судебная практика имеет дело с корыстными преступлениями, и потому они понятны и в определенном смысле «нормальны».

Стремление психологов связывать причины немотивированных преступлений с теми или иными психическими аномалиями человека напоминает описание психического состояния Каренина — недоумение, растерянность и беспомощность, почуявшего готовность своей жены Анны к «преступлению»: «...и это-то казалось ему очень беспомощным и непонятным, ...каждый раз, когда он сталкивался с самой жизнью, он отстранялся от нее... Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желания, и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть» (Л. Толстой «Анна Каренина»). В противовес подобным недоумениям рационалистического сознания хочется привести высказывание о. П. Флоренского: «сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности» [27, с. 489].

¹¹ Здесь намечается точка пересечения с положениями идеологии антипсихиатрии, в которой подчеркивается важность учета экзистенциальных предпосылок асоциального поведения и указывается на отсутствие в традиционной психиатрии четких критериев психической нормальности, утверждается недопустимость усмотрения в критике социальных норм признаков психического заболевания. Идеолог этого движения Р. Лэйнг утверждал: «состояние,

Во второй половине XX века была выдвинута интересная нейропсихологическая гипотеза относительно происхождения неосознаваемых негативных мотиваций, которые, казалось бы, находятся в противоречии с «законом смысла», однако у человека, в условиях отсутствия идеалов, периодически может возникать потребность в отрицательных эмоциях («поиск неприятностей»), что может способствовать их реализации в асоциальных поступках¹². Но, хотя выбор человека отчасти обусловлен биологическими факторами, его цели определяются внешними факторами и личностными установками [26, с.437].

Кажущаяся «бескорытность» и немотивированность хулиганства обусловлена тем, что в эти моменты человек творит зло из удовольствия от самого участия в исполнении им злого действия и в реализации своей протестной воли. В его действиях, действительно, нет прямой и очевидной выгоды — хулиган лишь выплескивает свою агрессию, в результате которой страдают не только люди, но и животные; они нередко сопровождаются актами вандализма — разрушаются вещи, строения, произведения искусства.

Хулиган стремится заявить окружающим о своем неуважении к ним, но поскольку подтвердить свои претензии к ним ничем конкретным не может, это его еще больше заводит, и тем более ожесточенным и безжалостным он становится в попытках «высечь» хоть какую-то искру смысла из своих выходов.

Эту человеческую «странность» (гипертрофированную агрессивность) описал К. Лоренц — инстинкт, служащий у животных принимаемое в обществе за психическое заболевание, представляют собой лишь адаптивную реакцию отдельных людей на неудовлетворимые в принципе требования общественной жизни» [13; см. также 28, с. 25–28, 70, 79, 85].

¹² В нормальных (комфортных) условиях нейронная система положительной мотивации (СПМ) нуждается в активизирующем влиянии со стороны системы отрицательной мотивации (СОМ) — «если сенсорное голодание систем положительной мотивации создает вечную неудовлетворенность человека достигнутым, то сенсорное голодание систем отрицательной мотивации обеспечивает эту неудовлетворенность мужеством, способностью к дерзаниям и риску»... Побуждения, возникающие вследствие сенсорного голодания СОМ, всегда подвергаются рационализации и возникают в сознании только под фасадом положительных влечений» [26, с. 442-445].

хранению вида, у человека «перерастает в гротесковую и бессмысленную форму»¹³.

Странность хулиганства в том, что унижение окружающих для него подобно сверхценности. В азарте куража хулиган готов «раскурочить» весь мир, чтобы не только посмотреть, что там, в конце концов, за его видимость, но и заявить всем-всему, что его душа никому и никогда неподсудна; при этом мир должен по отношению к любым его акциям быть совершенно «лоялен»¹⁴, поскольку претендует на свое абсолютное алиби. Бессмысленность хулиганства» есть психологическая реакция на бездушный механистический мир¹⁵ (что косвенно подтверждает, что человек — это существо «не от мира сего», или, по крайней мере, то, что его сознание дистанцируется от материального «фона» как самостоятельная «фигура»), бессмысленность которого тоже не имеет моральных оправданий для своего существования, так как в машиноподобном

¹³ К. Лоренц пишет: «Мы все страдаем от необходимости подавлять свои побуждения; одни больше, другие меньше — по причине очень разной врожденной склонности к социальному поведению. По добром, старому психиатрическому определению, психопат — это человек, который либо страдает от требований, предъявляемых ему обществом, либо заставляет страдать само общество. Так что, в определенном смысле, все мы психопаты, поскольку навязанное общим благом отречение от собственных побуждений заставляет страдать каждого из нас. Но особенно это определение относится к тем людям, которые в результате ломаются и становятся либо невротиками, т.е. больными, либо преступниками» [11, с. 247].

¹⁴ Возможно, в человеке изначально нет идеи доминирования над другими («воли к власти»), скорее, он ожидает от них лояльности, когда же ее не получает, то избирает или тактику подавления и подчинения себе, или конформизма.

¹⁵ «Как пишет А. Леонидов-Филиппов в статье «Гордящиеся позором»: «Преступник немотивированный не находит места миру в себе» [10], т.е. такой человек по своему внутреннему устройству не совпадает с законами мира своего существования, и не может мириться с бессмыслицей. Кажется, его мироощущению созвучны знаменитые пушкинские строки:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

мире не существует нравственных категорий, в нем нет понятий добра и зла¹⁶.

* * *

Как утверждал Р. Лэйнг, психолог «должен обладать пластической способностью перемещать себя в другую, странную и даже чуждую перспективу мира... Только так он может достичь понимания *экзистенциальной позиции* пациента» [12, с. 176]. Необходимо попытаться увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий, ведущих его к асоциальному и даже антисоциальному поведению. Подобная установка побуждает не ограничиваться более или менее удобными и простыми объяснениями случаев хулиганского поведения, как то: проявлениями распущенности, невоспитанности, морально-этической неразвитости человека, и предположить, что, по крайней мере, за некоторыми из них кроется гораздо более фундаментальная мотивация — значительно более серьезная, чем только лишь желание покуражиться, покрасоваться, показать свою удаль и превосходство над другими, повисить свою самооценку и т.п. К такому допущению склоняет то, что хулиганское поведение, зачастую, похоже на отчаянное стремление доказать *нечто противоположное* своему окружению в целом. В то же время, если в их поле зрения попадает что-то конкретное, вызывающее недовольство, то их общий негативизм к миру как будто получает объяснение и «объективное» основание, хотя истинные мотивы ими могут не осознаваться — их объяснения и оправдания могут лишь маскировать скрытую от них самих более глубинную причину. Кажется, здесь мы сталкиваемся со стремлением человека с потребностью выразить накопившееся недовольство условиями своего существования в принципе. Его агрессия не является ответной реакцией на какой-либо определенный раздражитель — это разрядка сконденсировавшегося внутреннего напряжения в виде неспецифической реакции на раздражающе высокоупорядоченную жизнь в целом, что особенно ярко проявляется, если рядом с ним оказывается ее более или менее яркий представитель.

Ощущения хулигана насыщены жела-

¹⁶ Не случайно, от творческих людей можно услышать: «Нормальные люди одинаково скучны», что отчасти перекликается с высказыванием Ф. Ницше: «Потребность в «устойчивых фактах» — теория познания: сколько в ней пессимизма!» [17, с.248].

нием наказать кого-либо — все равно кого! Он — задира, и поэтому всякий, кто являет собой образец «правильности», законопослушности воспринимается им как знак покорности, готовности к подчинению, и уже только за это наказания заслуживают практически все! Хулиганство, рассматриваемое в таком ключе, предстает как протест существующим законам, указывающим человеку «его место», это протест против мира, охваченного действием неизменных законов — естественных ли, социальных ли, причем, не им лично установленных, и потому все, что устоялось, стало законом, традицией, каноном, хулиган стремится принизить, осквернить, развенчать и даже уничтожить — *деканонизировать*. На эту мысль наводит то обстоятельство, что хулиган получает особое удовольствие, когда оскорбляет представителей культуры — издевается над ними, насмехается, оскорбляет, желая показать их ничтожность, а также мнимость ценности идеального в сравнении с грубой силой. Почему-то он вообще чувствует себя оскорбленным и униженным культурой. М. Горький вспоминал:

«Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году в Петербурге был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное... я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное, злым стремлением портить вещи исключительной красоты страдают и некоторые группы интеллигенции».

Другой, часто встречающийся пример детского озорства:

«Мальчик учился в седьмом классе. Он доставлял немало неприятностей учителям. Например, если в классе наступала тишина, он сразу же падал со своего стула, вызывая всеобщий смех. Когда остальные склоняли спины, пыхтя над самостоятельной работой, он начинал запускать

самолетики. После того, как в классе сделали ремонт, он отрывал проводки, царапал обои и откручивал болтики. Для этого он специально приносил из дому инструменты» [6].

Какие же проблемы решает такое его поведение? Уже говорилось, что хулиганские поступки, как правило, совершаются без какой-либо цели — «просто так», но с определенной регулярностью, и когда пытаешься выяснить «С какой целью, зачем?!», получаешь ответы: «Не знаю», «Просто захотелось», «Потянуло» и т.п. Не исключено, что и в основе озорства (детского хулиганства) скрыто желание понять — «а где же тот край, дальше которого уже нельзя»¹⁷.

В терминах синергической антропологии, хулигана, по-видимому, можно описать как *сущее, размыкающее себя к горизонтам Антропологических Границ*, соприкасающихся с иными образами бытия, и обозначить как *виртуальное (воображаемое) «размыкание»* [см. 29], поскольку наш персонаж выражает свои побуждения как **представление**, спектакль¹⁸, в котором он исполняет главную роль в материале реальной жизни. В подтексте его «выступления» (виртуальное) лежит протест против реальности (онтическое) с целью изменить всеобщий характер **жизни** (онтологическое), подчиняя все ее компоненты своей воле¹⁹. Не

¹⁷ Они как будто проводят над окружающими жестокие эксперименты, подобно тому, как в детстве отрывали крылышки у мух и стрекоз. В некоторых работах отмечается, что люди, склонные к совершению хулиганских действий, ведут себя в реальном мире так, как будто он прост. Они действуют так, как будто мир одномерен, и это приводит к частым ошибкам, и потому их действия приводят не к тому итогу, который предполагали, и это крайне осложняет их взаимосвязи с окружающим миром [См. 5]. Однако таким объяснениям противостоит признание Гете, которого трудно упрекнуть в упрощенности представлений о мире: «Я никогда не слышал о таком преступлении, которое я не мог бы совершить, и не знаю ни одного порока, на который не был бы способен» [21].

¹⁸ Отсюда уже не кажется парадоксальным, что некоторые виды хулиганских действий, рассмотренные в таком ракурсе, предстают как артистический жест, перформанс-манифестация свободы, т.е. как нечто являющееся прелюдией, грубой, неуклюжей подготовкой, к выходу-уходу в некий иной мир, где все незапланированно, неустойчиво и неопределенно.

¹⁹ Подобно тому, как Скрябин верил, что во время

случайно, С.С. Хоружий пишет, что причина тяготения к виртуальному миру в том, что это дает безопасный выход подспудным склонностям человека, избегающего зависимости от реальности.

Так что же хулиганов так «тянет» к прекрасному, откуда у них возникает нечто подобное аллергии к произведениям искусства? В своих признаниях они сообщают, что всегда с опаской и настороженностью относились к упорядоченной роскоши музеев — там им нечего было делать²⁰. С детства им больше

исполнения проектируемой им Мистерии должен был произойти конец мира. Кажется, что общее настроение композитора совокупно формируют, так сказать, онтическая, виртуальная, и онтологическая мотивации — «Кто б ни был ты, который наглумился надо мной, который ввергнул меня в темницу, восхитил, чтобы разочаровать, дал, чтобы взять, областал, чтобы замучить — я прощаю тебя и не ропщу на тебя. Я все-таки жив, все-таки люблю жизнь, люблю людей, люблю еще больше, люблю за то, что и они через тебя страдают (поплатились). Я иду возвестить им мою победу над тобой и над собой, иду сказать, чтобы они на тебя не надеялись и ничего не ожидали от жизни, кроме того, что сами могут себе создать. Благодарю тебя за все ужасы твоих испытаний, ты дал мне познать мою бесконечную силу, мое безграничное могущество, мою непобедимость, ты подарил мне торжество» (А.Н. Скрябин). Один из современников композитора писал: «как ни смотреть на эту Мистерию, на эту мечту, как на безумие или как на осуществимую мистическую реальность, для нас, исследующих его творческий путь, видно, что она была основным двигателем его творчества. Мы должны быть бесконечно благодарны этому великому безумию за то, что оно дало нам всего Скрябина — художника, всего Скрябина — человека с его экстатической устремленной душой, со всем блеском его художественных грез, рожденных идеей Мистерии» [30].

²⁰ Рассказывая о новых роскошных особняках, теоретик архитектуры, А. Раппапорт говорит: «И вдруг меня посетила ужасная мысль — счастливым можно быть только в хрущевке! В новом доме счастливым быть нельзя... в нем люди превращаются в объекты, в выставочные экспонаты. Меня сильно поразило это странное чувство, и я тогда понял, что меня посетил момент истины. С этой архитектурой нельзя сравниться, потому что она совершеннее вас. Ваша ванна и ваш унитаз намного лучше вас... Как у Диогена, который плюнул в лицо хозяина дома, поскольку не мог найти более грязного места... Это какая-то совершенно новая этика, когда вы живете в совершенно идеальном доме, и все так прекрасно, но одновременно мертво. Прекрасное и мертвое... Это странное чувство — несвоевременные мысли. Я боюсь

нравилось лазать по заброшенным подвалам, развалинам — манила неизвестность, возможность пережить рискованные состояния, испытать страх и преодолеть его, привлекали картины катастроф, природных бедствий — в стихии разрушений виделось могущество «живой» силы.

Можно высказать предположение, что именно потому, что красота есть выражение мировой гармонии, она вызывает у них враждебность, доходящую до актов вандализма и желания обезобразить образцы художественного. Враждебность к произведениям искусства — это *тень переживаний прекрасного*. В красоте проявляется совершенство законов, управляющих миром, и естество человека тянется к нему, чтобы слиться и замереть в созерцании. Отклонение от следования законам всегда оборачивается уродством — оно некрасиво и отталкивает, и это же является подтверждением того, что красота поддерживает и освящает закон — она на стороне законов мира, которым душа не подчинена²¹.

По мнению культуролога Г. Рида, на ранних этапах человеческой истории художественное творчество, в основу которого были положены принципы равновесия и симметрии, и сама природа рассматривались через призму гармонии и ритма, что стало предпосылкой возникновения науки и философии [32, с. 83, 84]. Близость принципов науки и искусства лежит в основе того, что нередко ученые усматривают в красоте, изяществе, «элегантности» той или иной научной концепции доказательство ее истинности. Многие ученые в описаниях своего научного поиска часто сообщали, что к открытию их вело эстетическое чувство [1, 20, 22].

Красота притягивает устойчивой соразмерностью форм, но в то же время, эстетические качества объектов, т.е. ситуации, которые характеризуются как гармония, равновесие и стабильность, могут действовать подобно ограничителю в познавательном процессе — являясь как бы самодостаточными; они, удовлетворяя представлениям человека о «хорошей» форме, провоцируют к прекращению поисковой деятельности, тормозят и дезактивируют ее [24, с. 52-53]. Будучи «незаинтересо-

ими делиться, так как не знаю, что из этого следует» [18, с. 62].

²¹ Но «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф.16, 26).

ванным суждением» (И. Кант), эстетическое чувство в содержании и не нуждается. А раз не нуждается, то оно к содержанию индифферентно и не ищет его, замыкаясь на созерцании «хороших», как сказали бы гештальт-психологи, *прегнантных* структур. Красота коварно околдовывает сознание своими чарами. Эстетическое чувство не может подсказать человеку ничего, кроме того, что красота и «правильность» как-то связаны с гармонией содержательных элементов потому, что оно есть чувство устойчивой сбалансированности соотношений, форм, т.е. эстетическое принципиально «бессмысленно», внесодержательно.

«Красивое решение» создает ощущение правильности, а раз цель достигнута, возникает уверенность в ненужности продолжения поиска. Магия прекрасного препятствует мыслительной активности, направляя ее на переживание наслаждения от созерцания прекрасного. Дальнейшее движение мысли и творческой активности человека становится возможным, если гармония нарушается, оказывается неустойчивой или мнимой. Очнувшись от гипноза прекрасных форм, человек замечает, что он находится в круге застывших форм²², и начинает ощущать их устойчивую последовательность как нечто застывшее, сковывающее, омертвевшее — как несоответствие ритму движений души, и тогда человек бросает красоте свой символический вызов²³; он стремится разрушить ее как то, что исподволь сковывает его активность. Но в основе разрушений, считал Ф. Ницше, есть воля еще более глубоко заложенного инстинкта — устремление в *ничто*» [16, с. 55]. Там, где *нет ничего*, человеку могут мерещиться условия для своего полного самораскрытия²⁴; как высказался в на-

²² В этом, в частности, видится причина постоянной смены художественных стилей.

²³ Не случайно И. Кант считал, что одним из мотивов эстетической деятельности является бегство от всех форм однообразной практической деятельности [8, с. 280], хотя само искусство тоже создает свои объекты поклонения и каноны. И потому некоторые религии ставят категорический запрет на изображения бога, святых, мучеников, человека, животных и пр., чтобы избежать опасности идолопоклонства — Всевышний мыслится как чистая духовность, а мистическая идея не может иметь материального воплощения.

²⁴ Впрочем, религиозно настроенный человек на это мог бы заметить, что хулиганское сознание не имеет ни малейшего понятия о необходимости

чале прошлого века богослов В.И. Несмелов: «великое счастье для человека заключается в том, что никакое счастье на земле невозможно» [15, с. 299].

Прослеживается закономерность: в ситуациях беспорядка/без-образности у человека возникает стремление к упорядочению, что находит свое отражение в творческой деятельности, чтобы придать действительности определенность в конкретных формах и образах, и опять обрести утраченную гармонию. Однако в условиях фиксированной гармонии человек снова стремится освободиться от сковывающей его активность заданности и определенности, от затянувшейся гипнотической силы искусства, когда ему может казаться, что в ослепляющих лучах красоты и под ее прикрытием происходит насилие над сознанием. Эти периодические колебания отражают циклический процесс, указывающий на то, что и в случае гармонии, и в случае хаоса душа стремится сохранить свою независимость от внешнего мира — жить вопреки всему. Нехватка новых ощущений (депривация) вызывает потребность в движении, в новом окружении даже в изменении картины мира в целом, чтобы почувствовать пульсацию жизни, и тогда в человеке снова зреют силы навстречу новым чувствованиям и открытиям²⁵.

Очевидно, в душе нет как идеи завершения, так и идеи небытия-хаоса, она избегает полной идентификации себя с чем-либо, поэтому из состояния устойчивости и упорядоченности отбрасывается в неизвестность свободы²⁶, чтобы вновь ощутить свое бессмертно-различия духов — благодатных и духов обольщения (1 Кор. 12:1; 1 Тим. 4:1), а потому его протестная сила как стихийное стремление вырваться из сцепленности с материальным миром не имеет никакого отношения к наставлению о том, что «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11:12).

²⁵ Здесь просматривается аналогия с механизмами зрительного восприятия — в исследованиях А.Л. Ярбуса было установлено, что если изображение на сетчатке глаза неподвижно, то объекты становятся невидимыми; т.е. смена изображений на сетчатке, произвольные микродвижения глаз — обязательное условие зрения [31].

²⁶ В неизвестность квазипространства ментального, в сакральную сферу «чур»-«чур меня!» («Обойди меня!», «Боже, упаси!») — в суверенное место души между бытием и небытием, ничем не занятой и никому неподвластной; заговоренное-оговоренное место неприкосновенности и безопасности; существуют версии происхождения

ное начало — возрождение и самосозидание, формируя собственные эфемерные образы, исключают категоричность каких-либо обязательств²⁷.

Кажется, что сознание любого человека (а не только «хулиганское сознание») периодически охватывает недоуменная мысль: как вообще человек — свободное существо — может жить в подчинении каким-либо законам, и какой может быть смысл в мире неизменных законов. Итальянская пословица точно выражает этот стихийный протест: «Лучше быть мышью в когтях кошки, чем человеком в руках законника». Его ужасает мысль, что всю жизнь придется сверять свою соразмерность и согласованность с чем-либо, ведь никто и ничто не вправе делать другого человека психологическим должником (поскольку крайне трудно представить, как за него сполна расплатиться). Он остро чувствует, что материальный мир все время чего-то от него требует, ставит условия, диктует, как жить, постоянно указывает человеку «его место», и тем более ему оскорбительны необъяснимые запреты²⁸. Когда хулиган неистовствует, создается впечатление, что он хочет разложить мир на составные части и посмотреть, как он стал «таким правильным», таким упакованным в законы, и почему он сам в них не помещается без остатка.

«Незаконность» душевных движений, в

междометия «чур» от русского «черт» — существа, неподчинившегося Создателю.

Как отмечал русский философ второй половины XIX века П.Е. Астафьев, первичным актом свободы является самосознание, и в этом выражается принципиальная независимость человека «не только от внешних влияний, но и от собственной определенности» [3, с. 8].

²⁷ Эта нота мимолетности отчетливо звучит в стихах Б. Окуджавы:

Но как ни сладок мир подлунный —
Лежит тревога на челе...
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле!

²⁸ Особенно болезненно замечает безразличие окружающего мира, когда, например, в темноте наткнулся на стол, стул или столб. Вещи (законы мира) игнорируют его — куда их поставили, там и стоят на своем, как истуканы, совершенно не обращая на него внимания, не учитывая его душевного состояния, приподнятости настроения... Как будто ожидают, когда человек их обойдет, или вступит в противоборство — кто кого? Ведь могли бы, хотя бы из уважения, посторониться!

сравнении с «законностью» природного бытия периодически проявляется практически во всех аспектах существования человека; они то тут, то там постоянно стремятся вырваться за границы данного, за пределы любых констант, расставленных в мире существования человека и диктующих ему свои условия²⁹. Особенно ярко это проявляется в периоды карнавальных («виртуальных») празднеств, которые представляют собой время вызова существующему порядку, сковывающим в повседневной жизни регламентациям, когда снимаются все запреты и забываются ходячие нормы приличия, когда в ритуализированных формах совершается очищение от повседневности, инертности, изгнание неудач из жизни человека, провозглашается его изначальная свобода и независимость личности от деформирующей и несовпадающей с существом человека окружающей реальности. По М. Бахтину, праздник освобождает человека от всякой утилитарности и практицизма; это — временный выход в утопический мир [4, с. 300-301].

Культуролог Х.Г. Кокс, определяя человека как существо праздничное (*Homo festus*) пишет, что праздник как событие включает в себе три важных момента: *намеренный экстаз, торжественное утверждение и контраст*:

1. Праздничная чрезмерность выражается в кратковременной свободе от условностей и норм обычного поведения;
2. Праздничное утверждение жизни содержит в себе радость в глубочайшем смысле слова — «в эти часы мы говорим жизни «да» вопреки фактам неудачи и даже смерти»;
3. Праздник предполагает игру контрастов, противопоставление повседневности [19, с. 115, 139-140].

Постижение тайн бытия во время карнавала вплетено в поведение людей и имеет эмоционально чувственный характер. В разнообразной литературе, посвященной праздникам, подчеркивается их причастность к идеалу совершенных человеческих отношений. Праздник имеет прямую связь с миром высших целей человеческого существования, и главный смысл праздничной культуры — это создание условий для свободной жизни человека. Отношение праздника к миру идеалов изначально, а тождественность его свободе есть гарант

этого отношения, и он противостоит миру необходимости.

В своей монографии о роли праздников в жизни человека А.И. Мазаев пишет, что «праздничная свобода» есть особая разновидность свободы вообще. Она определяется не столько социально-объективными, сколько субъективными моментами существования. В отличие от объективной свободы, которая, будучи осознанной необходимостью, целиком покоится на принципе реальности, «праздничная свобода» подчиняется сразу двум принципам — реальности и фантазии, причем фантазии здесь отводится гораздо большая роль, в силу чего свобода праздника во многом оказывается тождественной свободе воображения, которое есть творческая способность, помогающая человеку проникнуть в будущее, перешагивая не только через правила принятого социального поведения, но и через самую структуру повседневной реальности. Это проникновение в будущее и желание двигаться вперед требуют отстранения от существующего порядка вещей и *выходом за его пределы*, и потому может граничить с произволом и эксцессом. Она во многом условна и ирреальна — это свобода «для себя», но не для реального мира, реализующаяся в праздничном мироощущении, в предельно раскованном и обращенном в будущее воображении и нового идеала. Если в условиях будничной жизни человек в каждый данный момент обычно реализует какое-то одно поведение, то праздничная ситуация включает человека сразу в два типа поведения — реально-практическое и идеально-условное. Ситуация праздника предполагает постоянный диалог между двумя различными типами поведения, и соответственно, двумя различными духовно-чувственными состояниями. А.И. Мазаев замечает, в этом своем ирреальном качестве «праздничная свобода» представляет наибольшую опасность для любой социальной системы, которая, защищая себя, стремится все подчинить принципу реальности и необходимости. Однако то обстоятельство, что праздник вызывает в одно и то же время два типа поведения, благодаря чему человек становится равен самому себе и одновременно не равен самому себе, — имеет огромное психологическое значение. Тенденция к идеальному, присутствующая в празднике, позволяет человеку перенестись в ситуации, которые в действительности для него часто недоступны, но это те состояния, когда раскры-

²⁹ Но не будь их, мир бы немедленно рассыпался — распался до энтропийного состояния.

вается его настоящая сущность [14, с. 63-86, 100-113, 167-169].

Большинство людей спокойно дожидаются календарной праздничности, другим же не терпится их наступление; большинство вполне удовлетворяются условной реально-идеальной фактурой таких «виртуальных» состояний, и по их окончании сравнительно легко возвращаются к будням, другие же с грустью задумываются о фрагментарности и недолговечности пережитой свободы, о своей обреченности жить в мире ограничений. Но есть и радикально настроенные персонажи, которые как-то угадывают, чувствуют, что «виртуальная реальность не есть автономный род бытия», и что такая реальность не есть предельное проявление человека, а представляет «недовоплощенное существование» [29].

Вместе с тем очевидно, что хулиганство — это проявление лишь малой, эксцессной части ненормативного поведения человека, в котором проявляется общая неукротимая и сверхнормативная активность его духа, и которая все-таки находит себе место для самовыражения в социально приемлемых формах. Ненормативность проникает, присутствует в любой сфере деятельности человека, который во всем, с большей или меньшей остротой, чувствует свое несоответствие реальному окружению³⁰ — именно это побуждает человека искать альтернативные пути самоактуализации во взаимодействии или противостоянии объективному миру³¹. Уверенность человека в

³⁰ Несмотря на очевидность связи между свойствами нашей Вселенной и существованием человека (антропный принцип), фундаментальные константы которой находятся в таком соотношении, что это дало возможность появлению высокоорганизованных структур.

³¹ Пожалуй, мирной альтернативой хулиганству в мире законов могла бы стать жизнь в соответствии с буддистским принципом — «ничего неделания», бездействия, неучастия. Для активного же действия в нашем мире человеку дан, открыт фантастический в своей безграничности и разнообразии «законный» мир природы. Конечно, здесь вспоминается И. Кант, который в Заключении «Критики практического разума» записал: *«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне... я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с*

субъективной равноценности своему окружению порождает у него веру, что его силы соизмеримо соответствуют силам природы, как для сотрудничества, так и для соперничества³². Как выразился психолог В.П. Зинченко, «Свобода нашего сознания приближается к абсолютной. Она преодолевает даже такие фундаментальные определения бытия, как пространство и время» [7, с. 73]. Но — вот как восклицала Марина Цветаева о своей мятежной душе: «Что же мне делать с этой безмерностью в мире мер?!».

В связи с вышеизложенным хочется высказать предположение: не исключено, что потенциально наиболее «творческими» в плане будущих открытий в психологии, возможно, окажутся те сферы и аспекты жизнедеятельности человека, которые, так или иначе, касаются проблем нормы и патологии человеческой психики и поведения, понимания природы творчества и одаренности, задач создания благоприятных условий для формирования творческой личности, «социализации» человека, его отношения установленным в обществе нормам, развития навыков к совместной деятельности, понимания причин и мотивов девиаций и преступности, и др. К таковым, прежде всего, следует отнести *детскую психологию и психологию творчества, патопсихологию и юридическую психологию*, общей темой в которых является вольное или невольное отклонение человека от соблюдения социальных норм, незнание их, игнорирование или неспособность выполнять — все их объединяет интерес к человеку, поведение которого, по тем или иным причинам, не согласуется с общепринятой нормативной деятельностью.

В то же время нельзя не напомнить, что *того места, которое я занимаю во внешнем, чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами ...»* [8, с. 501]. От величественности картины неба как символа бесконечности Вселенной перехватывает дыхание для какого-либо говорения о необходимости дополнений к уже данной человеку свободе.

³² Противостоит ли ненормативность души нормативности природы? Ответ может быть двояким: противостоит, если помнить о конструктивности и упорядоченности материального мира законами — они устанавливают «решетки клетки мироздания»; не противостоит, если учесть ошеломляющую бесконечность вселенской «клетки», законы которой могут лишь косвенно направлять человеческую свободу.

созидательное творчество предполагает предельную сосредоточенность, последовательность и неотступность в процессе создания новых форм, и кажется, что хулиган, в отличие от свобододолюбивого творческого сознания, просто нетерпелив, а, возможно, даже духовно ленив³³. Он, по-видимому, не подозревает, что разрушительная активность вовсе не равносильна созиданию, и потому, оказавшись в ситуации, когда будто бы обрел условия для свободного самовыражения — где нет ничего, хулиган оказывается совершенно беспомощным и неспособным создать не то чтобы существенно новое, но даже из того, что разрушил, преобразовать в нечто конструктивное (разве что уличное «граффити» самого примитивного свойства и т.п.). Созиданию ему нечего противопоставить, кроме содержательно пустого действия — хаоса. В его действиях проявляются лишь первичные, сырые импульсы творческой активности, и, похоже, что он способен лишь на эффектные невротические разрядки (на «припадок душевного урагана» — выражение Д.Н. Овсяннико-Куликовского) вместо упорного противостояния жестким конфигурациям бытия — как писал поэт Ю. Балтрушайтис:

*В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожиданья,
Что подвига борьбы трудней...*

Взамен этого у них лишь бессознательные душевные рефлексии, без попыток глубокого осмысления положения и задач человека в мире.

P.S.

Даже если высказанные соображения о психологии хулиганства имеют определенные основания, это, разумеется, несколько не оправдывает унижительного отношения к другим «Я», поскольку своими действиями хулиган делает людей *подобием вещей* — относится к ним как к бездушным существам, которым любой человек по определению не является.

³³ Душа безработная — так, пожалуй, можно охарактеризовать их общее внутреннее состояние. По разным причинам они оказались неспособны к самореализации, а не получая удовольствия от жизни и не зная, чем себя занять, душа требует для себя хоть каких-то значимых в их жизни событий, причем, не прилагая к тому особых усилий.

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в математике. М.: Советское радио, 1970.
2. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. — М.: Юристъ, 1996.
3. Астафьев П.Е. Опыт о свободе воли. М., 1897.
4. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2
5. Васильюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд. МГУ, 1984.
6. Герасимов С.В. Психология зла. М.: Смысл, 1999. Глава 3.5. Хулиганство.
7. Зинченко В.П. Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. <http://psychlib.ru/mgppu/ZPM/ZPM-001.HTM>
8. Кант И. Соч. В 6-и томах М.: Мысль, 1965. Т. 4.
9. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть. 4-е изд., М.: Норма, 2008.
10. Леонидов-Филиппов А. Гордящиеся позором. <http://economicsandwe.com/doc/1027/>
11. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, Универс, 1994.
12. Лэйнг Р. Разделенное Я. (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия) / Р. Лэйнг // Логос (философско-литературный журнал). М., 1992, № 3.
13. Лэйнг Р. <http://cpsy.ru/cit1339.htm>
14. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление (опыт историко-теоретического исследования). М.: Наука, 1978.
15. Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.1. 3-е изд. Казань: Центральная типография, 1905.
16. Ницше Ф. Фридрих Ницше, Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М: REFL-book, 1994. — <http://philosophy.ru/library/nietszsche/volya.html>
17. Ницше Ф. Принцип новой оценки. Книга третья. Рига: Центр НТТ МНО Латвии, 1990. Воля к власти <http://www.rema44.ru/resurs/conspcts/all/VOLWLA04.DOC>
18. Раппапорт А. Архитектуру может спасти только бог/ А. Раппапорт// «Rīgas laiks» русское издание. Веста. 2012.
19. Цит. по реферату И.Б. Роднянской «Кокс

Х.Г. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии». – В кн.: «Современные концепции культурного кризиса на Западе». М., 1976.

20. Рунин Б. Логика науки и логика искусства / Б. Рунин // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968.

21. Цит. по Свасьян К.А. Философское мировоззрение Гете. 2001. – http://sbiblio.com/biblio/archive/sva_filo/00.aspx

22. Тюрин П.Т. Гармония как детерминанта поисковых действий в проблемной ситуации / П. Тюрин // «Семантические вопросы искусственного интеллекта». Киев: Знание, 1978.

23. Тюрин П. Альтернативы социальных парадигм в Латвии / П. Тюрин // Альманах Гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis – 2006, № 6, Рига.

24. Тюрин П. Интерпретации визуальных ситуаций и метод отраженного трансформирования функциональных форм. М.: изд. МИПП, 2009.

25. Тюрин П. Психология между буквой и духом закона (теория и практика юридической психологии). Рига: изд. БМА. 2012.

26. Файвишевский В.А. О существовании неосознаваемых негативных мотиваций и их проявлений в поведении человека / В.А. Файвишевский // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т.3. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

27. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914, изд. Путь.

28. Фуко М. История безумия в Классическую эпоху / СПб.: Университетская книга, 1997. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/index.php

29. Хоружий С.С. Человек: сущее, тройко размыкающее себя. — <http://antropolog.ru/doc/persons/Норужу/Норужу2>

30. Юрман Н.А. Скрябин. Опыт патографии – <http://pathographia.narod.ru/klinik3/page3.htm> изд. М.: Художественная литература, 1990.

31. Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965.

32. Read H. Icon and idea. Cambridge, 1955.